МИНСК. На радиозаводе имени Молотова освоено производство новых детекторных радиоприемников. На снимке: начальник цеха узлов Х. Шкляр (слева) и сборщица стахановка А. Спирина за осмотром детекторных приемников. Фото В. Лупейко.

Агитатор беседует о трудовой дисциплине...

Начать надо, пожалуй, с того, какая была надобность в проведении этой беседы агитатором Алексеем Хомяковым. В колхозе «Свобода» подавляющее большинство колхозников честно трудится на артельных полях. Но есть в нем и такие люди, которые часто не выходят на работу, не заботятся об общественном хозяйстве, о судьбе артели. Кроме того, в колхозе долгое время не ладится с индивидуальной сдельщиной. Коммунист-агитатор, учетчик тракторной бригады Алексей Хомяков решил, что именно сейчас, накануне уборки урожая, беседа об улучшении организации труда должна помочь правлению поднять колхозников на решительную борьбу за высокую трудовую дисциплину, за высокое качество работ, против тех, кто еще не приучился честно работать в колхозе и прячется за спины тружеников.

Готовясь к беседе, Хомяков прочитал статью Ленина «Как организовать соревнование?», речь товарища Сталина на I Всесоюзном с'езде колхозников-ударников и брошюру М. И. Калинина «О колхозах и колхозницах». Составил небольшой конспект. Фактов из жизни колхоза у Хомякова было много.

Когда Хомяков пришел на широкий луг, где две бригады косили сено, косари уже собирались на обед. Приветливо поздоровавшись со многими по имени — отчеству, агитатор сказал:

— Давайте побеседуем.

Вскоре около Алексея Хомякова образовался широкий круг: три четверти круга, справа, занимали женщины, слева от агитатора, невдалеке, сели мужчины.

—Вот, Леша,—сказала Хомякову высокая, худощавая женщина в белом, чистом платке, с легкими морщинками на переносье и острыми серыми глазами,—ты посмотри—на всю бригаду четыре брусочка. Хоть бы по десяточку на бригаду. Какая коса пройдет ряд не точеная, а какую надо два раза точить. Разве четырьмя брусочками обойдешься?

— Хорошо, Анастасия Никитична, я узнаю в чем дело, — может быть, достанут.

Несколько минут Хомяков ожидал, пока все как следует усядутся.

Затем он вынул из кармана исписанные листки и книжку, оглядел присутствующих и начал беседу.

— Тема беседы такая,—сказал он,—«Сила нашего колхоза — в сознательном, честном труде всех колхозников». Он помолчал и повторил, подчеркивая каждое слово: — Сила нашего колхоза, товарищи,—в сознательном, честном труде всех (он особенно выделил слово «всех») колхозников. Главное, что решает дело—быть ли нашему колхозу богатым, славным или захудалым, отсталым—труд каждого члена артели. Наш вождь товарищ Сталин учит колхозников, что главное—это честно трудиться. Если будет каждый работать, не жалея сил, старательно, добросовестно, то будет и колхоз всегда хорошим, и мы все заживем еще лучше. А если будем работать кто как, то и хозяйство наше ослабнет, и жить колхозникам будет хуже.

— Ну, конечно, если один себе торф копает, а другой для колхоза сено косит...—живо заговорила женщина в белом платке, с острыми серыми глазами, которую агитатор назвал Анастасией Никитичной. Но ее потянула сзади за рукав соседка:—«Да подожди, послушаем сперва...»—и она замолчала.

— Все вы знаете, товарищи,—продолжал агитатор,—что наш колхоз должен в этом году собрать богатый урожай. Я напомню вам обязательство, которое мы взяли в письме к великому Сталину. Вот это обязательство: получить озимой ржи с 88 гектаров по 27 центнеров, а с 242 гектаров — по 16 центнеров; яровой пшеницы—с 79 гектаров по 17 центнеров; ячменя—с 46 гектаров по 18 центнеров; овса—с 107 гектаров по 15 центнеров; проса с 67 гектаров по 14 центнеров; сахарной свеклы—с 65 гектаров по 210 центнеров; гречихи—с 48 гектаров по 10 центнеров. Обязательство, товарищи, хорошее, и мы его вполне можем с честью выполнить.

— Это мы понимаем,—серьезно сказал кто-то из мужчин, на левой стороне.

— Так вот,—продолжал агитатор,—о том и речь, чтобы как можно лучше выполнить свои обязательства. Что же у нас сделано в колхозе в этом году?

Он рассказал, что засеяно 367 гектаров яровых зерновых, 65 гектаров технических культур, что многие колхозники показали себя на весенних работах как настоящие герои труда. Например, звеньевая-орденоносец Анастасия Афонина, звеньевые Вера Григорова, Анна Пасынкова, колхозники Горохов Алексей Степанович, Чесноков Павел Яковлевич, Баранов Борис Петрович...

Люди чутко ловили каждое слово агитатора. Говорил он понятно для всех, не засоряя речь мудреными словечками, которые кое-кто из агитаторов любит вставлять. Пожалуй, самым ценным качеством его беседы было то, что говорил он именно просто, рассказывая, а не поучая, словно советуясь, предполагая перед собой людей, ничуть не меньше его понимающих в колхозных делах. Иногда агитатор откладывал в сторону на траву исписанный листок, затем снова брал, чтобы посмотреть нужную цифру или фамилию, нередко сам увлекался речью и начинал говорить горячо, взволнованно. После того, как он отдал должное успехам колхоза и его передовиков, Алексей Хомяков заговорил о том, что непорядков в артели еще много, а беда в том, что не все колхозники работают как нужно. Внимание присутствующих усилилось.

— Пара вспахано только 90 гектаров из 367,—рассказывал Хомяков.—Разве это годится, товарищи?

— Этак сеять придет пора, а нам не по чем,—отозвалась Анастасия Никитична.

По мере того, как агитатор рассказывает о вреде, который приносят колхозу те его члены, которые ленятся, внимание слушателей нарастает. Однако пока он говорит вообще, не называя фамилий и фактов, многие спокойны и мирно, благодушно поглядывают на Хомякова, словно речь идет о каких-то далеких делах, их не касающихся. Прежде, чем сказать конкретно, агитатор пробует вызвать других на разговор:

— Ну, давайте товарищи, откровенно поговорим, кто мешает нам поднимать колхоз в гору, кто не хочет работать, прячется за других...

Но дедушка Горохов, который сам в 60 лет не хочет быть нетрудоспособным и работает не хуже молодых, этот дедушка добродушнейше заявляет:

— Да что говорить—все трудятся...

Общее молчание.

— Нет, дедушка, не так,—говорит агитатор,—есть такие, что не любят работать в колхозе. Вот о них и надо говорить всем честным колхозникам, надо осуждать лодырей, нельзя дальше терпеть, чтобы лодыри грелись на шее тружеников! Ведь есть такие, что на работу не ходят! Почему вы о них молчите, товарищи? Надо осуждать лодырей всем колхозным обществом, поднимать о них вопрос на собрании, гнать их из артели!

— Есть такие, сидят дома! —замечает одна колхозница.

— Ну, на это имеется руководство,—примирительно возражает ей другая женщина в черном фартуке, сидящая около агитатора.

— А вы-то сами куда смотрите? Ведь вы—хозяева артели!—говорит агитатор.

Дедушка Горохов все же недоумевает, зачем сердиться на тех, кто не каждый день работает в колхозе... Решив по этому вопросу высказаться, дедушка Горохов извлекает из старинного запаса необходимые доводы и даже местами переходит на официальный язык.

— А вот я вам вопросик задам. Что касается лодырей, как вы говорите... Относительно этого, то тут ведь лодырю самое прямое наказание. Придет конец года — сколько у тебя трудодней? Ага, получай: тот кто хорошо работал — ему, примерно, восемь центнеров, а лодырю — восемь килограммов. Тут-то он, лодырь, и почешет затылок. Так, что дело простое...

— Э, нет не простое! — живо возражает агитатор. — Дело совсем не простое. Тут суть не в лодыревом затылке, а в интересах честных колхозников. Ведь тот же лодырь, на которого вы по доброте своей машете рукой, — он у вас же, Алексей Степанович, кусок хлеба изо рта вырывает. Он за ваш же счет и живет, паразит, вашим трудом пользуется! Сколько вам лет, Алексей Степанович, шестьдесят?

— Шестьдесят...

— Вам шестьдесят лет, вы числитесь в списке нетрудоспособных, а вот же ходите на работу, стараетесь для колхоза. И жена ваша, старушка, работает,— семьдесят трудодней уже имеет... А почему молодая, здоровая Екатерина Афонина не желает работать в поле, почему, например, Зайцев Дмитрий, молодой парень, не приложит рук к нашему общему труду? Что ж, пусть не работают — ничего не получат? А нет, не так.

— Вот давайте посмотрим, что было в прошлом году. Из 13 звеньев у нас только пять получили более или менее хороший урожай, а звено нашей Натальи Афониной, награжденной орденом Ленина, получило 17 центнеров с гектара. Почему же, спрашивается, передовые звенья получили хороший урожай, а звено Елены Краснобаевой — по 5,39 центнера с гектара на площади 34 гектара? Или звено Марии Чернявской — по 5,65 центнера на 33 гектарах... А вот потому, что не все одинаково работали. В передовых звеньях выходили в поле с рассветом, больше заботились о колхозном хозяйстве, а не о своих огородах, в передовых звеньях раньше посеяли, лучше ухаживали за посевами, раньше убрали, — вот и урожай лучше. А в других звеньях немало было таких, что по две недели в месяц на работу не выходили. Ведь, смотрите, какая картина: из 180 трудоспособных в 1948 году только 88 человек выработали свыше 150 трудодней, а остальные — минимум и меньше. И что же получилось? Колхоз получил на 1200 центнеров хлеба меньше, чем он мог получить.

— Вот и судите сами, Алексей Степанович, сколько хлеба и денег недополучили из-за лодырей вы, ваша жена — Анастасия Ивановна, и другие честные колхозники! Ведь не из-за кого, как из-за лодырей не получили свою дополнительную оплату — 150 центнеров — передовые звенья, потому, что ведь колхоз в целом не выполнил план урожайности и не сдал государству нужное количество хлеба. И правительственных наград поэтому не получили наши передовики — тоже из-за них, из-за лодырей!

— А вы говорите,—помолчав, продолжает агитатор, — что тут дело простое — лодырь сам себя бьет. Да ведь если бы все работали в прошлом году, то вы бы на свой трудодень получили втрое, вчетверо больше хлеба!

— Оно верно, — соглашается Горохов.

— Ну вот и хорошо, что верно,—улыбается агитатор. — А теперь смотрите, товарищи, что у нас сейчас в колхозе делается. Ведь из поднятых 90 гектаров пара только 16 гектаров колхоз вспахал своим тяглом, а остальное—тракторы. Почему, спрашивается, не пахать во всю силу своим тяглом? Ведь вот как выходит: государство нам тракторы дает, государство семенную ссуду дает, государство уборочные машины дает, государство во всем идет навстречу колхозникам. А некоторые и думают: добрая наша советская власть, дай ей бог здоровья, ну-ка, я ей на шею влезу. Не стану работать в колхозе, и так прокормят. Вот мы только вчера еле-еле управились свеклу прорвать, когда надо было давно закончить. Почему? Вот то-то же. Алексей Степанович Горохов говорит, что все трудятся, а нет, не все одинаково. Сам то он работает хорошо, но других плохо видит.

— Вот, возьмите, за две последних недели Афонин Василий Николаевич 10 дней не выходил на работу, Баранов Василий Демьянович—8 дней не выходил, Хомяков Василий Петрович—8 дней. Сколько бы они могли вспахать, скосить? Ведь за все эти дни средний работник мог бы вспахать около 15 гектаров или скосить около 13 гектаров травы. И вы смотрите, что получается: за первое полугодие по 15 июня у нас 23 колхозника выработали лишь до 30 трудодней. А есть среди них такие, что не выработали и 10 трудодней. Почему мы это допускаем? Почему у Лидии Афониной нет ни одного трудодня—у молодой здоровой девушки, а у старика Хомякова Ивана Конофеевича, которому 80 лет, и у того—40 трудодней: он хоть лукошки плел для семян, чем может—помогает колхозу. Ведь 80 лет старику! А Афонина уже год как школу кончила и дальше учиться не пошла, и дармоедом сидит на шее у колхоза. Есть у нее совесть? Каково видеть это Константину Хомякову, Наталье Афониной, Анне Хомяковой или Анне Пасынковой и другим, имеющим больше 100 трудодней на 15 июня! Ведь посудите, если бы Афонина работала, она уже два с лишним гектара свеклы могла бы прорвать с мая месяца. А так—30 колхозниц должны были лишний день работать из-за одного лодыря.

Анастасия Никитична отгибает назад голову, надвинув на самые глаза платок, и, важно надув губы, говорит томным голосом, кого-то передразнивая:

— Как же я могу пойти на работу—солнышко палит, загорю...

Она насмешливо смеется, поблескивая серыми глазами, на переносье морщинки сходятся в сеточку, потом лицо ее становится серьезным и она говорит уже своим голосом:

— Это верно —лодыри поперек дороги колхозу стоят. И всем честным колхозникам тяжелее вперед итти, потому что они на нашем горбу сидят.

— А Екатерина Афонина тоже числится колхозницей,—продолжает агитатор,—брат в городе, а она—ни в город, ни —в колхоз—не поймешь. В феврале у нее 1 трудодень, в марте—3 трудодня, в апреле—7, в мае—10. А ведь она пользуется теми же правами, что и все честные колхозники. Усадьба у нее имеется, хозяйство личное имеется, по всем налогам она перед государством выступает, как порядочная колхозница,—а у нее совести нет, у лодыря!

— А чего с ней нянчиться? Отрезать усадьбу—и все!—раздается гневный мужской голос.— Какая это работа!

— Вытащить ее на собрание!

— Бригадиров почему отпускают чуть не каждый день себе торф копать? Разве для бригадира закон не писан?

— Куда бригадиры смотрят?

— Да и то сказать—бригадиру нагрузка большая, тоже подумать надо, чего зря...

— Леша, вот моя Олечка...

— А кто виноват?

— Дайте сказать!

Начинает говорить молодой колхозник Павел Чесноков. Он жестикулирует, лицо его взволнованно.

— Людей у нас плохо знают вот что,—говорит Чесноков.—Не смотрят у нас, кто как работает —вот в чем беда. Бригадир на поле не бывает. Вечером, как красный месяц, покажется, да членов звена спросит, кто был, кто не был на работе. Как же тут ему лодыря увидеть? А учет как у нас ведется? Прихожу в правление, по списку на стене у меня 40 трудодней. Как так, говорю, где мои трудодни? Справились по ведомостям—не 40, а 76 трудодней. В чем дело, почему вывешено 40? Начали счетоводы один другого гонять—кто виноват... А правление знает, у кого сколько трудодней, видит, кто как работает? Почему лодырей не берут в оборот?

— Надо нам самим на собрании их взять в оборот! (Звонкий женский голос).

— Порядка мало! (Хмурый мужской бас).

Все говорят сидя, но бригадир Афонин, задетый за живое, вскакивает и поворачивается прямо к Чеснокову.

— Ты сам в неделю раз на работу ходишь!

— А за что же мне премию дали?

— А вчера где ты был?

— Дома...

— Почему не косил?

— А ты разве дома не остаешься? А жена твоя где уже четвертый день?

— А когда было, чтобы я не замерял, когда?—Афонин поворачивается к женской половине круга.—Бабы, скажите, хожу я каждый день замерять?

Несмотря на общее оживление при этой короткой перепалке вопрос бригадира беспомощно повисает в воздухе: сразу наступает полное молчание, ни одна женщина не отзывается на призыв бригадира поддержать. Молчание явно не в его пользу, он это чувствует и быстро садится на траву.

Алексей Хомяков не смущается тем, что беседа принимает острый характер и что некоторые как бы отклоняются от главного, и продолжает:

— Тут, по-моему, товарищи, самое главное—всегда помнить, что благосостояние колхоза добывается только дружным, совместным трудом всех колхозников. Вот давайте подумаем, как мы можем зажить, если не будет у нас ни одного лодыря и ни одного, так сказать, хладнокровного колхозника из тех, кто только-только до минимума дотягивает... Да у нас тогда будет такая богатая, веселая жизнь! Вы смотрите, как нам, колхозникам, во всем помогает наше советское государство. Помните засуху—кто же спас нас от голода, кто дал семена на посев, кто поддержал колхоз—государство! Машины нам дают, земля у нас богатая. Вот еще началось в области орошение по решению правительства, будем и мы орошать свою землю. Какие условия нам еще нужны—только трудись, хозяйничай! Да ведь если мы все эти условия используем, если каждый будет честно трудиться, мы разве не получим себе все блага жизни? Мы же к коммунизму идем, а коммунизм и означает богатую, веселую, красивую, умную жизнь каждого человека! Чего же мы в своем колхозе будем сами задерживать свой ход вперед? Нам не один хлеб нужен, мы можем во-всю развернуть наше животноводство, и мяса у нас будет вдоволь—и для государства и для себя, мы должны пруды богатые оборудовать, чтобы рыба у нас никогда не выводилась, мы должны электростанцию построить, как все порядочные колхозы, и дома не при лампе сидеть, а при ярком электрическом свете. Нам нужно клуб себе хороший выстроить, надо правление колхоза поместить в хороший, новый дом; ясли, детсад, кинотеатр чтобы были у нас. Все чтобы было! Вот как надо и как мы будем жить! А для этого всем надо...

Он останавливается и после короткой паузы твердо произносит:

— Надо только всем честно работать.

Дальше Алексей Хомяков говорит о том, что именно в общем, коллективном труде колхозников—сила колхоза, о том, что честный, сознательный член артели не имеет права мириться с бездельниками, он должен бороться за укрепление общественного хозяйства. Агитатор говорит о могучей силе колхозного строя, показавшей себя в Великую Отечественную войну, о том, что тот путь, по которому ведет колхозников наша большевистская партия, — единственно правильный путь к счастливой, зажиточной жизни каждого колхозника. Он говорит о значении женщины в колхозе и зачитывает об этом слова Михаила Ивановича Калинина из книжки «О колхозах и колхозницах». В глубокой тишине слушают молодые и пожилые женщины с натруженными руками теплые, проникновенные слова о них.

Да, верно, все они делали и делают для своего колхоза, сил не жалеют—и боронили, и шаровали, и пололи, и навоз возили, и вот косят сейчас, и хорошо косят, не хуже мужчин... Многое могут сделать работящие руки русской женщины!

Седая Мария Степановна Пасынкова, вздохнув, отнимает руку от щеки и говорит:

— Леша, я вот не могу работать,—уже совсем старая, а и теперь рада всей душой для колхоза что сделать. Другой раз, идут люди на работу,—детей мне оставят, я и сижу с детьми под ракиточкой... Я без дела не могу. Только вот старая... А Олечка у меня все время работает...

Агитатор одобрительно кивает ей головой и продолжает беседу.

— Вот, товарищи, возьмем такое дело для укрепления нашей трудовой дисциплины, как индивидуальная сдельщина...

Он говорит о том, что именно индивидуальная сдельщина необходима для того, чтобы ни одному лодырю не было возможности спрятаться за спины хороших работников, чтобы труд честных колхозников, передовиков не оставался без вознаграждения, чтобы хозяйство колхоза увеличивалось, обогащалось. Между тем, в колхозе многие до сих пор не понимают значения сдельщины, не хотят расставаться со старой привычкой работать скопом.

А лодырю того и надо. «Вместе работать веселее», — это он, лодырь, любит так говорить, а за ним, не подумавши, повторяют и другие.

— Нет, товарищи, неправильна, неподходяща тут эта поговорка,—говорит агитатор. — Вместе, мы и так вместе в колхозе, и работаем тоже вместе, а вот кто как работает — это надо, чтобы видно было полностью. Вот тут сидит звеньевая Клавдия Баранова, она-то это наверное хорошо поняла.

Женская половина заулыбалась, все поглядывают на Баранову. Она старается не смущаться.

— Я свою долю сделала,—говорит она,—все равно наверстала.

— Ну вот,—говорит агитатор,—она хоть и звеньевая, а не выходила на работу, уехала куда-то — и ей оставили порцию, что полагается по сдельщине, она приехала—прополола. Но ведь дело не в том, что она догнала...

— Так было,—об'ясняет кто-то из женщин:—пололи, пололи, где же звеньевая? Нету. Потом рассердились—нет ее и нет, перешагнули ее полоску, и—дальше...

— Но я же наверстала,—примирительно говорит Баранова.

— А как наверстала, сама? — не без ехидства спрашивает чей-то голос. Теперь Баранова заметно смущается.

— Да как... Вместе наверстала.

— То-то: вместе.

Смех.

— А как бы то ни было,—встряхивает головой Баранова и энергично, по-мужски, рубит ладонью воздух,—лишь бы сделала. Мне так и сказали: хоть наймы, хоть как сделай, а свою норму выполни. Я и сделала. А сама—не сама, хоть как договорилась, или наняла...

— ...или обманула,—помогает ей кто-то из соседок.

Снова смех.

— Ну вот, видите, товарищи, что получается, — говорит агитатор.—Баранова еще считает себя правой. Она, видите, «наверстала»... через неделю. А того она не хочет знать, что на одну зорю опоздай с прорывкой свеклы—и то какой может быть убыток.

— Вам,—продолжает он,—вероятно, все яснее становится, что индивидуальная сдельщина—очень разумное и полезное дело. При индивидуальной сдельщине полностью видно отношение каждого к интересам артели. И все-таки мы никак не можем твердо установить у себя сдельщину. Вот у тебя в звене, Ксения Баранова, все время работают скопом. А напрасно. Кто будет дома сидеть, а кто за него работать—на общей площади не увидишь, не поймешь...

Агитатор обобщает приведенные примеры и делает вывод: индивидуальная сдельщина совершенно необходима. Противиться ей могут только лодыри и те честные колхозники, которые не понимают, что, работая скопом, они обделяют самих себя.

— Наоборот,—заключает Хомяков, — каждый из вас должен отстаивать сдельщину, требовать от звеньевых и бригадиров, чтобы они вели точный обмер и учет, чтобы труд каждого был виден, как на ладони. Это в интересах всех честных колхозников.

Кто-то из мужчин советует:

— Надо, чтобы правление лучше смотрело за порядком.

— Я поговорю в правлении,—отвечает агитатор. Подумав, он решительно добавляет:—А если понадобится, пойду и в райком партии. Но, по-моему, вы сами на собрании должны как следует обсудить эти вопросы.

По намеченной теме Алексей Хомяков мог считать беседу законченной. Он об этом сказал колхозникам, но люди не торопились уходить. Уже встали все, взяли косы и грабли, а все еще между колхозниками продолжался разговор. Женщины пожаловались агитатору, что детская площадка до сих пор не устроена. Некоторые вспомнили, что в этом году не выдали на руки трудовых книжек. Чесноков подошел высказать до конца свою обиду за незаписанные ему трудодни...

Уже идя домой на обед, колхозники по пути продолжали между собой оживленно разговаривать. Агитатор Алексей Хомяков спрятал в карман свой конспект и книжку Калинина и тоже направился в село.

В. ШАМША.

Щигровский район, колхоз «Свобода».

Судебные решения исполнять в срок

Министр юстиции СССР тов. К. П. Горшенин предложил органам юстиции на местах коренным образом улучшить работу по исполнению судебных решений.

В ряде мест, как установлено Министерством юстиции СССР, некоторые государственные учреждения, общественные организации и отдельные лица в течение продолжительного времени не могут добиться исполнения вынесенных по их делам решений судов. Чаще всего волокита с исполнением судебных решений наблюдается по алиментным и жилищным делам. Тов. Горшенин предложил исполнению решений суда по этим делам уделять особое внимание. Строго в установленные сроки должны исполняться приговоры в части возмещения ущерба от хищений и недостач, а также в части конфискации имущества осужденных.

В городах и районах, где имеется много неисполненных судебных решений, решено провести ревизию работы судебных исполнителей. Будет проверен также состав судебных исполнителей, соответствуют ли они своему назначению.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

Комитет по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР принял решение о порядке проведения Всесоюзного дня физкультурника.

Намечено провести массовые собрания, посвященные этому празднику, организовать выставки, спортивные кинофестивали, массовые соревнования по различным видам спорта и нормам «ГТО».

18 июля в столицах союзных республик, областных и краевых центрах состоятся спортивные праздники. В их программе—массовые гимнастические выступления, соревнования лучших спортсменов.

—О—

УЧЕБНИКИ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

До конца года Учпедгиз должен издать и отправить школам страны 80 миллионов экземпляров учебников 102 названий. За пять месяцев издательство сдало книготоргующим организациям 47,9 миллиона учебников 60 названий.

Министерство просвещения РСФСР разработало меры, которые должны способствовать своевременной доставке книг в школы и продаже их учащимся. Организуется проверка поступления учебников в книготорговую сеть и в районы.

—О—

ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ ДЛЯ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Для организации трудового обучения и развития подсобных хозяйств детским домам, расположенным в сельских местностях и рабочих поселках, выделяются земельные участки. На них будут разбиты сады и ягодники, устроены плодовые питомники, парниково-тепличные хозяйства, а также площадки для игр.

ТКАНИ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ

Предприятия Министерства текстильной промышленности СССР расширяют ассортимент тканей. Во втором полугодии увеличивается, в частности, выпуск набивных хлопчатобумажных тканей, сатина, головных платков и др. В производство будет внедрено более 200 новых рисунков.

На комбинате Трехгорной мануфактуры, Ореховском хлопчатобумажном комбинате и ленинградской фабрике имени В. Слуцкой организуется изготовление тканей с несмываемой отделкой, которая улучшает внешний вид изделий и удлиняет сроки их носки.

Увеличивается выпуск камвольных тканей, драпа, бобрика. Будет улучшен ассортимент шелковых и льняных материй. На костромском комбинате имени Зенина организуется набивка льняных тканей по способу фотопечати. Увеличивается выпуск крепдешина, крепсатена, узорчатых шелковых тканей.

—О—

ВЫСТАВКА ТРУДОВ ЛАУРЕАТОВ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина открылась выставка научных трудов, удостоенных Сталинских премий в области науки за 1947 год. На выставке представлены произведения академика Н. С. Державина «Происхождение русского народа», «Славяне в древности», труд профессора В. В. Данилевского «Русская техника», книга академика Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», брошюры и статьи крупнейших ученых.

Пятилетие выставки образцов трофейного вооружения

Исполнилось пять лет со дня открытия выставки образцов трофейного вооружения, захваченного советскими войсками в 1941—1945 годах.

В первое время здесь были представлены образцы трофейного вооружения, захваченного у немцев под Москвой, Ростовом, Тихвином, у стен Сталинграда, на Кавказе. В ходе Великой Отечественной войны выставка непрерывно пополнялась новыми трофеями. В настоящее время на ней сосредоточено свыше 4.500 экспонатов.

В артиллерийском отделе представлено множество тяжелых орудий, мортир, гаубиц, сдвоенных и строенных зенитных пушек, шестиствольных реактивных минометов.

В бронетанковом отделе показаны самоходные орудия и различные танки неприятеля, начиная от легких трехтонных машин и кончая 70-тонными, с броней толщиной до 200 миллиметров. Среди экспонатов авиационного отдела—самолеты различных типов: бомбардировщики, штурмовики, истребители и разведчики. На экспонатах видны пробоины — следы минувших ожесточенных сражений, приведших к полному разгрому гитлеровской Германии и империалистической Японии.

За пять лет выставку посетило 6.836 тысяч человек, в том числе много зарубежных гостей.